

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

М. Б.

Я, кажется, пою одной тебе.
Скорее тут нужда, чем скопидомство.
Хотя сейчас и ты к моей судьбе
не меньше глуховата, чем потомство.
Тебя здесь нет: сострив из-под полы,
не вызвать даже в стульях интереса,
и мудрено дожидаться похвалы
от спящего заснеженного леса.

Вот оттого мой голос глуховат,
лишенный драгоценного залога,
что я не ужогу (не виноват)
совсем в специалисты монолога.
И все ж он громче шелеста страниц,
хотя бы и стремительней старея.
Но, прежде зимовавший у синиц,
теперь он занимает у Борея.

Не есть ли это взлет? Не обессудь
за то, что в этой подлинной пустыне,
по плоскости прокладывая путь,
я пользуюсь альтиметром гордыни.
Но впрямь, не различая впереди
конца и обнаруживши в бокале
лишь зеркальце свое, того гляди
отыщешь горизонт по вертикали.

Вот так, как медоносная пчела,
жужжащая меж сосен безутешно,
о если бы ирония могла
со временем соперничать успешно,
чего бы я ни дал календарю,
чтоб он не осыпался сиротливо,
приклеивая даже к январю
опавшие листочки кропотливо.

Но мастер полиграфии во мне,
особенно бушующей зимою,
хоронится по собственной вине

под снежной скрупулезной бахромою.
И бедная ирония в азарт
впадает, перемешиваясь с риском.
И выступает глуховатый бард
и борется с почтовым василиском.

Прости. Я запускаю петуха.
Но это кукареку в стратосфере,
подальше от публичного греха,
не вынудит меня, по крайней мере,
остановиться с каменным лицом,
как Ахиллес, заполучивший в пятку
стрелу хулы с тупым ее концом,
и пользоваться себя сырым яйцом,
чтобы сорвать аплодисменты всмятку.

Так ходики, оставив в стороне
от жизни два кошачьих изумруда,
молчат. Но если память обо мне
отчасти убедительнее чуда,
прости того, кто, будучи ленив,
в пророчествах воспользовался штампом,
хотя бы эдак век свой удлинив
пульсирующим, тикающим ямбом.

Снег, сталкиваясь с крышей, вопреки
природе, принимает форму крыши.
Но рифма, что на краешке строки,
взбирается к предшественнице выше.
И голос мой, на тысячной версте
столкнувшийся с твоим непостоянством,
весьма приобретает в глухоте,
по форме совпадающей с пространством.

Здесь, в северной деревне, где дышу
тобой, где увеличивает плечи
мне тень, я возбуждение гашу,
но прежде парафиновые свечи,
чтоб тенью не был сон обременен,
гашу, предоставляя им в горячке
белеть во тьме, как новый Парфенон,
в периоды бессонницы и спячки.

декабрь 1964